

ПОЭТ-ВОИН

Он был одним из популярных поэтов Волховского фронта. Его влияние на воинов — огромно. Вместе со своими героями и он стоял насмерть на нашем Волхове:

**Мы бились с врагами у стен
Ленинграда,
Во мгле новгородских болот,
Под нами шаталась земля
от снарядов
И плавился волховский лед...**

С первых дней войны Павел Николаевич Шубин на фронте. Его военным домом становится газета «Фронтовая правда». Разъезд № 9 под станцией Неболчи — пятак, с которого тянулись нити его дорог по Волховскому фронту. Он исходил, изъездил самые крайние точки болотного фронта Неболчи, Новоселицы, Новгород, Чудово, Финев Луг, Мясной Бор, Дубовик, Малая Вишера...

В Будогощи стояла редакция газеты «В бой за Родину». Своим специальным корреспондентом она числила и П. Шубина. Сотни стихов, очерков, корреспонденций, сатирических частушек были его вкладом в победу. Высокое мастерство поэта отметил А. Фадеев,

выступивший в июле 1943 года с докладом на совещании редакторов фронтовых и армейских газет.

Шубин был рядом со своими героями. Вместе с ними ходил в атаки, а потом читал им стихи. О, как он их читал! Это надо было слышать! Вдохновенно, задушевно, согревая души солдат, врачевал их сердца. Он обладал феноменальной памятью, что помогало ему работать в любой обстановке. Бывало, едет по разбитой, мощенной бревнами дороге, а сам что-то шепчет в поднятый воротник шинели. Сочиненное в дороге в редакции сразу записывалось. Шубина любили не только потому, что он был поэтом.

1942 год. Люто бушует январская метель в волховских лесах. Вторая ударная армия в жестоких боях разгромила фашистов у Мясного Бора. В образовавшуюся брешь ворвался 13-й кавалерийский корпус генерал-майора Н. И. Гусева. Начался многодневный рейд конников по тылам врага. Вместе с ними — П. Шубин. Идет второй месяц ожесточенных боев. Корпус движется на Любань:

**На оси замерзает компас —
Ногтем в стеклышко**

барабань!

**Прорубается конный корпус
Из-под Вишеры на Любань.
Без обозов не пропадая,
Без орудий летят полки,
К гравам спутанным**

припадая,

Пулеметчики бьют с луки...

Вместе с солдатами Шубин испытал и горькие дни поражений. В мае 1942 года вторая ударная армия была отрезана и попала в окружение. Где-то здесь, у Мясного Бора, скрестились дороги П. Шубина и М. Джалиля. Но П. Шубин вырвался из окружения, а Джалиль...

В память врезались страшные картины. Земля смешалась с небом. Черный дым и гарь. Сквозь этот ад, всем смертям назло, надо прорваться. Редактор уже не надеялся увидеть П. Шубина. Но... Поэт снова в редакции. И снова просится на задание. Впереди у него — Синявинская эпопея. Памятью павших друзей стала знаменитая шубинская «Волховская застольная». Поют ее и поныне. Нет-нет да и скатится слеза со щеки бывшего фронтовика. Но он не поднимает руки, чтобы стереть ее, горячую:

**Выпьем за тех, кто неделями
долгими**

**В мерзлих лежал
блиндажах,**

**Бился на Ладоге, дрался
на Волхове,**

Не отступал ни на шаг.

Песня и стих — это бомба и знамя. Русский человек идет с песней на праздник и на бой. 50 песен дал фронту П. Шубин.

На мотив «Из-за острова на стрежень» бойцы часто пели его «Партизанскую». Нередко у костров звучал шубинский «Мой костер»...

Новгородская земля для него — это не только плацдарм боев с фашизмом. Он воспринимал ее, гордую и непоколебимую, как мать России. Не раз в своих стихах поэт черпал образы и сравнения из жизни древнего Новгорода.

Находясь в передовых частях, Шубин узнал о подвиге трех коммунистов, закрывших своими телами дзоты между Юрьевым монастырем и Воскресенской слободой. Они погибли 29 января 1942 года. П. Шубин первый поведал стране об их подвиге. Н. Тихонов еще ничего не знал о героях своей будущей «Баллады»... Волховский фронт уже 7 февраля читал шубинскую поэму «Тroe»:

**...Какой-то миг —
И взвод поляжет строем,
Как березняк,**

**Погубленный в грозу.
Какой-то миг!..**

**Но — яростные — трое
Уже рванулись к пасти
амбразур!..**

Поэма П. Шубина была первым литературным памятником Герасименко, Красилову и Черемнову.

Одним из первых поэт-воин входит в освобожденный Новгород.

**Мимо белокаменной
Софии,
Волховские кинув берега,
Я и сам прошел тогда
впервые...**

Городом, отбитым у врага...

За участие в освобождении Новгорода на гимнастерке Павла Шубина появился орден Отечественной войны II степени. Вместе с «новгородскими полками» поэт идет дальше, на запад. Вот он в старинном городке Шимске:

**Пули свищут мимо,
Мы вперед спешим.
Кроют туки дыма
Приозерный Шимск...**

Но вскоре поэт навсегда покидает новгородскую землю. 15 февраля 1944 года Волховский фронт был расформирован. П. Шубин воюет на Карельском фронте, а кончает войну в Маньчжурии.

В. ТЮРИН.

В ПАМЯТЬ О ГЕРОЯХ

В качестве корреспондента газеты «Фронтовая правда» Волховского фронта в годы минувшей войны я постоянно находился в войсках, сражавшихся на новгородской земле, и хорошо помню о том времени, когда трое героев — А. Красилов, Л. Черемнов и И. Герасименко в январе 1942 года закрыли своими телами амбразуры вражеских дзотов...

Вместе с нами работал ныне покойный талантливый поэт Павел Шубин. Вспоминается, как он буквально на другой же день после совершения подвига приехал с передовой в редакцию с готовыми стихами, посвященными воинам-героям.

— Хорошие стихи, — похвалил Шубина редактор газеты подполковник Борис Потапович Павлов. — Иди к Голованову (это был наш ответственный секретарь редакций) и скажи, чтобы сроч-

ноставил их в номер. Утром воины всех частей фронта, куда пришла наша «Фронтовая правда», уже читали рассказ о подвиге и стихи Павла Шубина.

Недавно, разбирая свой фронтовой архив, я обнаружил стихи, опубликованные в свое время нашей «Фронтовой правдой» и вошедшие затем в книгу Шубина «Солдаты», вышедшую в издательстве «Молодая гвардия» в 1948 году.

Пусть эти стихи фронтового поэта прочтут все, кому дорог ваш (и наш тоже!) новгородский край, на полях которого за долгую его историю славное русское воинство не один раз повергало в прах иноземных захватчиков.

Вот эти стихи, названные Шубиным «Тroe»:

Когда бойцы
Прорвались к сердцу боя,

Где, шевелясь и плача,
Как живой,
Снег превратился
в месиво рябое,
Размолотый волною
огневой, —
Из скрытого
В седом сугробе дзота,
В затылок им,
Исподтишка,
В упор
Хлестнули три немецких
пулемета,
Тупые рыла
Высунув из нор.
Какой-то миг —
И взвод поляжет строем,
Как березняк,
Погубленный в грозу.
Какой-то миг!..
Но — яростные — трое
Уже рванулись
К щелям амбразур!
Замолкли, смерть!
В глаза твои пустые,
Где навсегда остановилась
тьма,
Глядят большевики,
Как жизнь — простые

Бессмертные,
Как Партия сама!
Здесь,
Заслонив друзей
Живою стенкой,
Руками
Обхватив концы стволов,
Легли
Красилов
и Герасименко,
Упал —
на третий —
грудью Черемнов.
Они стволы закрыли
И телами
Прижались к ним,
Прицел перекосив,
В ствалах
Свинец расплавленный
И пламя
Своей горячей кровью
Погасив.
О, Родина!
Они тобою жили,
Тебе клялись
Сквозь тьму,
Сквозь немоту,
Они тебе
И мертвые служили,
И, отслужив,
Остались на посту!
Не просто

Гнев иль мужество
Велели
Им головой
Ответить за других —
Нет,
Ясное сознанье высшей
цели

На эту смерть
Благословило их!
И, называя
Лучших поименно,
И в горести,
И в гордости своей,
Земля родная,
Преклони знамена
Перед бессмертной
Славой сыновей!

Прочти, молодой новгородец, эти фронтовые стихи, вдумайся в них. Воздай дань памяти тем, кто пал на поле брани, развернувшись в те далекие дни на твоей новгородской земле.

Л. КОЗЛОВ,
гвардии подполковник
запаса,
участник освобождения
Новгорода.
Подмосковье.

НОВГОРОДСКАЯ ПРАВДА

ПОЭТ ВОЛХОВСКОГО ФРОНТА

Одной из наиболее популярных песен в дни войны была «Волховская застольная», воспевшая
«...тех, кто неделями долгими
В мерзлых лежал блиндажах,
Бился на Ладоге, дрался на Волхове,
Не отступал ни на шаг».

Автор стихов этой поистине народной песни — Павел Шубин.

Мне довелось познакомиться с Павлом Шубиным еще перед войной. Помню его — крепко сбитого, полного энергии и задора, влюбленного в жизнь и поэзию. Вслед за первым сборником стихов «Ветер в лицо» вышел второй — «Парус». Стихи свидетельствовали о несомненной одаренности молодого поэта, о самобытности и гражданственной силе его творческого голоса. Откликаясь в своей рецензии на первую книгу стихов П. Шубина, Николай Тихонов предсказывал, что поэт «со временем поднимет темы сильнейшие». И действительно: в годы Великой Отечественной П. Шубин поднял самую трудную и самую ответственную тему борьбы своего народа против фашистского нашествия. Павел Шубин стал фронтовым поэтом, его боевой пост был сначала на Волхове, а затем — в Заполярье и в Маньчжурии.

Наша встреча на Волховском фронте произошла неожиданно. Оба мы забежали в какую-то придорожную землянку, чтобы переждать артиллерийский обстрел. Павел был в офицерском полушибурке, валенках, ушанке. Он вошел вперед за мной и представился бойцам: корреспондент фронтовой газеты. «А у нас уже есть один — из «Красной звезды», — шутливо бросил кто-то из обитателей землянки, косясь в мою сторону. Павел был поражен не меньше моего. Мы обнялись. «Значит, вместе повоюем», — сказал он. Пошли расспросы. Об этой встрече осталась копотка запись в моем дневнике. «Прощаясь, Павел сказал: как хорошо, что попал он в этот древний русский край, здесь даже названия — Волхов, Ильмень — озеро, Новгород, Ладога — сама история, и сама поэзия».

Фронтовая жизнь, напряжение грозной битвы сразу захватили поэта. На войне он быстро обжился, и его я встречал на самых острых и опасных участках битвы на Волхове. «Фронтовая правда» регулярно печатала его стихи. Поэтическое слово П. Шубина в самом прямом смысле закалялось в огне. Один из исследователей творчества поэта подсчитал, что за время войны из-под его пера вышло более 10 тысяч строк, а также тексты пятидесяти солдатских песен. Но дело, конечно, не в количестве поэтической продукции. Главное — то, что фронтовые стихи П. Шубина глубоко волновали сердца воинов, помогали в тяжком ратном труде. Они звали на бой и на подвиг, дышали чувством беспредельной любви к Родине.

Как в довоенное время, так и в боевые годы главным героем поэзии Шубина была Родина, для нее поэт находил самые сокровенные, самые емкие и чистые слова:

Родина! В подробностях простых
Для меня открылась ты
однажды,
И тебе я внял кровинкой
каждой
И навек запомнил, словно
стих.

Поистине кровинкой каждой! Поэтическим оружием сражался П. Шубин за Родину, он был настоящим поэтом-солдатом. И не только потому, что непосредственно участвовал в боях — пробивался с конным корпусом генерала Гусева «из-под Вишеры на Любани», находился в передовых частях, прорывавших блокаду Ленинграда, с атакующими полками вошел в еще горящий Новгород — главное, что он постиг душу солдата, сумел передать его сокровенные думы и переживания в самые напряженные минуты боя, передать глубоко и правдиво. Прочтите небольшое стихотворение «Полмига» —

одно из лучших не только у Шубина, но и вообще в нашей фронтовой поэзии, — и вы ощутите душу бойца, ползущего к вражескому дзоту. Нет, он не думает о том, чтобы дожить «до седин и до славы», ему нужно прожить лишь полмига —

Мне б только вот эту гранату,
Злорадно поставив на взвод,
Всадить ее, врезать
как надо,
В четырежды проклятый дзот,
Чтоб стало в нем пусто и тихо,
Чтоб пылью осел он в траву!
...Прожить бы мне эти полмига,
А там я сто лет проживу!

Другое замечательное стихотворение — «Шофер». Трехтонка мчится вперед — «от Волхова до Керести». Надо же что бы то ни стало доставить снаряды на передовую. В пути шофер выдерживает страшный поединок с пикирующими на него «мессершmittами». Руки у него перебиты, но он из последних сил ведет машину.

И вновь заход стервятника,
И снова кровь из ватника,
И трудно руль раскачивать,
Зубами поворачивать...

Основанное на подлинном факте, это стихотворение полно драматизма. Оно звучит гимном мужеству и самообладанию советского воина. Строки стиха упруги, мускулисты, предельно динамичны. Все это — свидетельство высокого поэтического мастерства.

Большинство фронтовых стихов П. Шубина написано непосредственно на месте событий, автор точно обозначает географические отметки. Под стихом «Полмига» значится «Юго-восточнее Мги», под «Шофером» — «Мясной Бор, май 1942 год». Упоминаются Чудово, Финев Луг, Теремец, Тютицы... Сражения на Волхове запечатлены П. Шубиным этап за этапом, но стихи не превращаются в рифмованную летопись, ибо душой их является не сама по себе война, а человек на войне, к нему прикован непрестанный пристальный взор поэта.

Как-то Павел забрел в брошенный домик близ Малой Вишеры, где одно время нашли пристанище корреспонденты «Красной звезды» и других центральных газет. Помню, как вознегодовал Шубин по поводу переданного по радио во время нашей беседы какого-то боевого стихотворения, в котором, по его мнению, «есть все, кроме правды войны».

— Если бы я написал такое, — говорил он, все больше распальяясь, — мне стыдно было бы смотреть в глаза солдату, который лежит сейчас в волховском болоте и совершает невозможное... Разве допустимо изображать войну такой приглаженной а победу — такон легкой?.. Да это просто кощунство! Люди видят вокруг кровь и страдания, добывают малейший успех ценой нечеловеческого напряжения и ежеминутного риска, а тут — извольте — не война, а какая то игра в солдатики... Я поминаю: и о войне можно писать с разной степенью талантливости, но при всех случаях надо это делать до конца правдиво. Пиши и представляй, что тебя читает солдат под огнем, так будь же честен с ним, не играй со святой темой!..

Тонкое лицо Павла искалилось. И он имел право возмущаться, ибо сам был кристально честен по отношению к своему читателю. Война в его стихах — неприкрашенная — беспощадная, жестокая и в то же время она — справедливая, благородная. Бой у него есть бой и смерть есть смерть, но это не мешало поэту быть непреклонно оптимистичным и все свои фронтовые стихи пронизать горячей верой в нашу победу, заражать этим светлым чувством своих читателей. В самые тяжелые месяцы 1942 года он уверял волховского солдата, что ему еще придется «Одер перейти».

Мы, видавшие смерть на Волхове,
Прокаленные до седин,
Побываем в зверином логове,
С боку на бок качнем

Берлин!

Поэт посвятил немало стихотворений отдельным героям, конкретным подвигам. Оперативность поэтических откликов отнюдь не отражалась на их художественном уровне. В стихотворении «Майор Шубин»

Павел Шубин прославляется бесстрашного комбата батальона, который во время наступления на Новгород возглавил атаку и пал смертью храбрых. Подвигу И. Герасименко, А. Красилова и Л. Черемнова посвятил поэт волнующее стихотворение «Тroe» — оно было напечатано уже через несколько дней после героической гибели воинов-коммунистов:

О. Родина! Они тобою жили,
Тебе клялись сквозь тьму,
сквозь немоту,
Они тебе и мертвые
служили,
И отслужив — остались
на посту!

«Волховские» стихи П. Шубина пронизаны страстным призывом к воинам беззаветно сражаться за освобождение города Ленина от пут фашистской блокады. Не только в стихах, но и при встречах П. Шубин говорил о том, как дорог ему Великий город на Неве. Он вспоминал, как работал слесарем на одном из ленинградских заводов, как учился на филологическом факультете института имени Герцена. Я не видел более счастливым Павла, нежели в часы, когда мы передавали в свою редакцию: «Блокада прорвана!».

В послевоенные годы в Москве вышли стихотворные сборники П. Шубина «Моя звезда», «Солдаты», «Дороги, годы, города» и другие. Но вершиной его творчества остались стихи военных лет и среди них ряд лирических произведений — о разлуке, родном доме, о любимой. Полные искренности, мягкости, тепла, они согревали сердца солдат. Вспоминаются «В эту полночь», «Я за то тебе благодарен», «Жена приехала на фронт» и, конечно, «Маленькие руки», написанные им под Неболчами:

Трудно как, далече как
Нынче до подруги!..
Худенькие плечики,
Маленькие руки!..

Я был свидетелем, как эти «Маленькие руки» переходили из одних солдатских рук в другие, как стихи переписывали, заучивали наизусть.

Военная тема продолжала волновать П. Шубина и после победы. В стихотворении «Волховцы», написанном уже в мирное время, поэт вспоминает:

Мы бились с врагами у стен
Ленинграда,
Во мгле новгородских болот,
Под нами шаталась земля
от снарядов

И плавился волховский лед.

Он и после войны оставался поэтом-солдатом.

...Павел Шубин ушел из жизни рано — он скончался весной 1951 года в возрасте 37 лет. Мне он навсегда запомнился жизнерадостным, энергичным, храбрым, веселым, иорой озорным.

Лучшее из наследства Павла Шубина живет, его произведения волнуют и сегодня. Думаю, что с особым чувством читаются стихи «поэта Волховского фронта» в новгородских краях, где в суровые военные годы звучал его поэтический голос.

М. ЦУНЦ,
бывший корреспондент
газеты
«Красная звезда».

г. Москва.

□
НА СНИМКЕ: Павел Шубин.

НОВГОРОДСКАЯ ПРАВДА

Мы, видавшие смерть
на Волхове,
Прокаленные до седин,
Побываем в зверином
логосе,

С боку на бок качнем
Берлин!

И когда он шатнется
в пламени,
Озаряя ночную тьму,
Алый свет боевого знамени
Осенит нас в его дыму.

Стихотворение, заканчивающееся этими пророческими строками, впервые увидело свет на страницах фронтовой газеты, в тот достопамятный день, когда раскатистый гром артиллерийского наступления возвестил о начале Новгородско-Лужской операции. Даже если бы под ним не стояла знакомая подпись автора, каждый солдат-волховчанин безошибочно определил бы его имя.

Павел Шубин — признанный, главный поэт Волховского фронта, всегда исключительно точно, своевременно, с большой эмоциональной силой выражал самые сокровенные думы и чаяния воинов. Его стихи не просто призывают к стойкости в обороне, упорству и настойчивости в наступлении. Они не только учили тому, как нужно вести себя в бою. Эти произведения раскрывали самые глубинные запасники духовных сил воюющего за правое дело человека.

В стихотворениях «На нашем участке», «Полмига», «Побоище», «Шофер», «У-2», «В новгородском лесу», «За Новгород-

ПОЭТ ВОЛХОВСКОГО ФРОНТА

дом», знаменитой «Волховской застольной» и многих других Павел Шубин воспел неимоверно тяжелый ратный труд «болотных солдат», их коллективный подвиг, сложившийся, подобно мозаичной картине, из бесчисленных проявлений мужества.

Литературная критика еще в довоенные годы отмечала крепущую самобытность поэтического голоса Павла Шубина, который за годы пребывания на Волховском, Карельском и Дальневосточном фронтах обогатился свежими, неповторимыми интонациями. Однако значительных монографических работ, охватывающих весь его недолгий творческий путь (П. Шубин умер в 1951 году, 37 лет от роду), до последнего времени не существовало.

Следовательно, небольшую книжку А. Когана «Павел Шубин», выпущенную в 1974 году издательством «Советская Россия» (серия «Писатели Советской России»), есть все основания рассматривать как первую и, скажем сразу, во многом удавшуюся попытку подобного рода. Автор, путем всестороннего изучения личности и творчества поэта, определяет истоки его интересов и устремлений, раскрывает глубинные, подготовленные всей предшествующей биографией, причины могущего взлета его дарования в период Великой Отечественной войны.

В начале пути, как и все начинающие, Павел Шубин учился у классиков и старших современников, испытывал на себе их влияния, случалось, ученически подражал им. В ранних стихах шел иногда не от жизни, а от эрудиции, приобретенной в стенах высшего учебного заведения. В эпохе незрелого А. Коган находит полновесные зерна, из которых со временем вырастет своеобразный мастер, научившийся переплавлять впечатления окружающей действительности и глубокие познания из отечественной истории в благородный металл поэтического слова самой высокой пробы.

Почти двухгодичное пребывание на Волховском фронте, на земле изначальной Руси, обострило и без того остро у П. Шубина чувство историзма. Совсем не случайно в его стихах, написанных в дни наступательных боев за Новгород, встречаются такие неразрывно спаянные между собой приметы настоящего и прошлого: «вновь за Волхов идут разведчики в стародедовских чуланах», «прожигая назылые панцыри, бронебойная бьег пищаль», «жерла двеститрехмиллиметровых чуть ли не до Луги достают», «шинель, зеленая, как слизь, растроптана в сугробе» и т. д.

А. Коган не грешит против истины, утверждая: «Поэт

чувствовал себя вправе так со-
поставлять образы, так сопря-
гать времена, ибо чувствовал
себя живущим в истории, во
времени — как в пространстве,
— современником всего живо-
го». Нельзя однако согласиться
с автором монографии, ког-
да он пишет далее «в стихах
Шубина история предстает
деталями, зачастую не очень
точными, зачастую вовсе не
точными».

Совсем наоборот. В произве-
дениях П. Шубина ссылки на
историю и географию могут
удовлетворить самого строго-
го, самого взыскательного кри-
тика. Подтверждение тому и
прекрасное стихотворение «На-
встречу стремнине бредущие
вброд», ссылкой на которое
А. Коган пытается подтвер-
дить свою ошибочную мысль.

Автор монографии недогумен-
тует, «что... делать богатырю
в чекмене на берегу Ильмень-
озера», упуская при этом из
виду то обстоятельство, что
слово Ильмень поэт написал не
с большой, а с маленькой бук-
вой. Он имел в виду не глав-
ный водоем Новгородской зем-
ли, а более широкое понятие.
Ильменем в народе называют
измененное место, покрытое во-
дой от разлива реки или озе-
ра.

Стихи написаны 12 ноября
1941 года, незадолго до отъез-
да П. Шубина в Действую-
щую армию. Пока еще неизве-
стные ему новгородские реалии

Среди книг

в них отсутствуют. Но пре-
красно знакомые поэту места
на верхнем Дону, их историче-
ская ретроспектива описаны
с исключительной точностью.
«Богатырь в чекмене» помещен
таким образом именно в ту
среду, которая была присуща
ему органически.

Хочется спорить и с некото-
рыми положениями, высказанными
А. Коганом в заключительных главах монографии.
В частности он, противоречи
самому себе, вдруг начинает
настойчиво доказывать, что
Павел Шубин до последних
дней чуть ли не абсолютно
подражал Эдуарду Багрицко-
му. Такой вывод делается
главным образом на основе
того, что в ряде стихов обоих
поэтов нередко присутствует..
парус. Но ведь без этого сим-
волического образа не смогли
обойтись многие авторы, тво-
рившие после М. Лермонтова.

Как видно из приведенных
примеров, А. Коган склонен
иногда без достаточных факти-
ческих оснований переходить к
выводам, которые на поверхку
сказываются преждевременны-
ми. И это обстоятельство не-
сколько снижает значение очень
интересной аналитической ра-
боты о творчестве выдающего-
ся советского поэта.

Н. БЕРЕГОВ.

ВОЛХОВСКИЕ БЫЛИ

В январе 1942 вышел первый номер ежедневной красноармейской газеты «Фронтовая правда» Волховского фронта. Сегодня мы предлагаем читателям рассказы бывшего редактора этой газеты Б. П. Павлова. Они о фронтовых друзьях, о писателях и журналистах, об историях, рассказанных ими.

«ВОЛНА УБЕЖАЛА»

В последние дни февраля сорок второго в тесной землянке комиссар собрал агитаторов полка. Шла беседа о подвигах бойцов, командиров и политработников пятьдесят второй армии Волховского фронта. Кто-то попросил включить радиоприемник. В эфире — Москва.

Агитаторы, секретари партийных и комсомольских организаций, специальный корреспондент газеты «Фронтовая правда» Александр Чаковский в полной тишине слушали вечернюю оперативную сводку. Четко и торжественно звучал голос диктора. В землянку зашел молодой партизан. Тихо спросил:

— Москва?

На партизана никто не обратил внимания. Только комиссар слегка улыбнулся ему и рукой указал на табурет, стоявший в тени.

Его приход и тем более присутствие в затемненном углу землянки не оставили заметного следа в сознании бойцов и офицеров. Причина тому — передача, которая сообщала об их армии.

— Жаль, что коротко! — сказал с сожалением кто-то.

— Хорошего понемножку, — улыбаясь, ответил комиссар. — Зато оперативно. Вчера воевали, а сегодня Москва на весь мир о наших подвигах вешает.

Потом пошел рассказ о боевых действиях партизан. Называли отличившихся по од-

ним условным буквам — инициалам...

После того как агитаторы и политработники покинули землянку, Александр Борисович Чаковский подсел к приемнику и начал неторопливую прогулку по эфиру. Неторопливую потому, что комиссар был занят беседой с партизаном. Склонившись над картой, они наносили пути прохода партизанского отряда через наши минные поля, а Чаковский, медленно продвигаясь по радиошкале, время от времени рассматривал на них. «Уж больно молод этот партизанский командир, — размышлял писатель, — пацан безусый...».

Корреспондент, не слушая комиссара, выскоцил из землянки, но девушки уже и след простыл.

Эту историю Александр Борисович рассказал мне в редакции «Фронтовой правды». Он и тогда сокрушался о той несостоявшейся встрече. Саксонов уже собирался вздрогнуть, но вдруг услышал, что Павел Шубин напевает мелодию и произносит тихо, но четко слова. Саксонов,

— Кто?

— Волна, — загадочно улыбнулся писателю комиссар.

— Да, убежала.

— Вот и я о ней.

Каждый из них в эти минуты думал и говорил о своем.

— Силен командир, — первым нарушив короткое молчание, сказал Чаковский. — Только уж больно молод.

Комиссар весело рассмеялся:

— Во-первых, товарищ журналист, не молод, как ты заметил, а молода. Это очень храбрая, прямо-таки легендарная девушка. Кстати, почти твоя, землячка: ты из Ленинграда, а она из Ленинградской области. Это о ней мы сегодня слушали передачу Совинформбюро. О ней и ее отряде...

Когда все было сверено, уточнено и перенесено на партизанскую карту, комиссар и партизан поднялись из-за стола, обменялись рукопожатиями. Гость энергично откозырял сначала комиссару, а затем корреспонденту и быстро исчез из землянки.

— Убежала? — спросил комиссар Чаковского.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1942 года о присвоении Антонине Васильевне Петровой, особо отличившейся в партизанской борьбе против немецких захватчиков, за отвагу и геройство, звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

вытащив из кармана блокнот с карандашом, стал их записывать тайком от Шубина. Машина грохотала, в такт постукивания поперечных бревен Павел Николаевич сочинял песню.

Вдруг поэт попросил блокнот и карандаш, взяв, быстро нацарапал в нем несколько четверостиший и вернулся своему другу.

Приехав в редакцию, они прилегли отдохнуть. Первым пробудился Лев Саксонов. И тут же принял расшифровывать свои и шубинские ночные записи. Он еле-еле разбирался в нацарапанных карандашом словах.

Когда проснулся поэт, Лев спросил его:

— Ну, как песню назовешь?

— Какую?

— Про волховцев.

— Зреет, нет песни.

— Как нет? Есть! Споешь?

И Саксонов читает Шубину текст его песни, которую тот сочинил ночью в машине. Тот, сложив между коленок руки, внимательно слушает. Лева читает громко, выразительно:

Редко, друзья, нам
встречаться приходится,
но уж когда довелось,
Вспомним, что было,

и выпьем, как водится,
Как на Руси повелось.
Вспомним о тех,
кто командовал ротами,
Кто умирал на снегу,
Кто в Ленинград

пробирался болотами,
Горло ломая врагу..

Стали собираться журналисты. Слушая свои стихи, Шубин прослезился. Видимо, это были слезы благодарностью тому, кто смог записать и сохранить первоначальный текст стиха-песни. Чувствовалось, что слова песни нравятся товарищам, нравятся они и ему. В них и образ, и картина, и нужные песенные слова.

А когда закончилось чтение, Саксонов снова спросил:

— А как назовешь свою песню, Павел Николаевич?

— Волховская застольная, — ответил Шубин.

Она была напечатана в «Фронтовой правде», записана на пластинку. Ее пел весь Волховский фронт.

Такова история рождения песни.

Б. ПАВЛОВ,
член Союза
журналистов СССР,
бывший редактор
газеты «Фронтовая
правда».

НОВГОРОДСКАЯ ПРАВДА

К штыку приравняв перо

УХОДЯТ в прошлое былье сраженья, но живут в памяти народной имена героев. Замечательные строчки есть у поэта Р. Рождественского:

Вспомним всех поименно,
Горем вспомним своим,
Это нужно — не мертвым,
Это надо живым.

На фронтах Великой Отечественной войны сражались и поэты. Один из них — Муса Джалиль — писал:

Волхов — свидетель,
я не струсили,
Пылинку жизни моей
не берег...

Последний выстрел —
и выстрела нет!

Мне изменил мой пистолет...
Поэт прибыл с группой политработников на Волховский фронт в 1942 году, находился в распоряжении политуправления штаба армии. Вот что он сообщал в письме своему другу Кашаффу:

«Только на днях вернулся из длительной командировки по передовым частям, где выполнял особое задание. Поездка была трудная, опасная, но очень интересная. Был все время под обстрелом. Три ночи подряд не спал, питался на ходу, но видел многое».

Книга Рафаэля Мустафина «По следам поэта-героя» рассказывает о далеких днях трудного военного времени. Автор приводит воспоминания людей, знавших Мусу Джалиля как верного друга, товарища, соратника по борьбе.

В газете «Отвага» Джалиль работал вместо погибшего Всеволода Багрицкого. Муса не мог сидеть без дела, рвался на передовую, откуда и приносил интересные материалы. Часто он исчезал из редакции на несколько дней. Все знали: Джалиль там, где

грохот разрывов и свист пуль, в самом пекле боя. Каждая такая вылазка стоила жизни, но поэт не задумывался об этом.

Находясь на передовой, Джалиль не забывал о своей семье и писал родным задушевные письма. Взять, к примеру, почтовую открытку, отправленную дочери 24 марта 1942 года из Малой Вишеры (в то время он жил на Набережной улице):

«Дорогая Чулпаночка, шлю горячий привет и крепко целую тебя. Я только что вернулся с войны в свою квартиру, где я не был около 10 дней. Мы были фашистов. Они бегут, не оглядываясь назад. Наши пушки угощают их снарядами, и им жарко несмотря на то, что здесь стоит крепкая зима. После боя с друзьями ели в землянке суп. А вот никак не нахожу время написать обещанный тебе рассказ о петухе. Обязательно напишу. Это очень интересный рассказ о войне и петухе. Ну, пока, крепко обнимаю, папа».

21 июня газета вышла в последний раз. В районе Мясного Бора Джалиль попал в плен, но до последней минуты он остался верным сыном Родины.

Таким же отважным был журналист и поэт Леон Вилкомир. «Мы победим. Мои слова. Моя над миром синева», — писал он. Михаил Цунц в книге «В редакцию не вернулся» сообщает о Леоне Вилкомире: «После смерти Багрицкого он буквально не находил себе места, уединялся, все горевал, что не увез Всеволода из деревни. Вскоре мы узнали, что Багрицкого в «Отваге» сменил другой поэт. Это был Муса Джалиль».

Леон Вилкомир — настоящий советский воин, готовый

сделать все во имя победы, тоже погиб. И остался жить в своих стихах:

Я буду жить, как я хочу,
Свободной птицею взлечу,
Глазам открою высоту,
В ногах травою прорасту,
В пустынях разольюсь
водой,
В морях затрепещу звездой,
В горах дорогой пробегу.
Я — человек, я — все
могу!

С Малой Вишерой связано и имя Павла Шубина, написавшего здесь в апреле 1942 года свою знаменитую песню, посвященную ленинградским партизанам. Читаешь стихи Павла Шубина «Снег идет», «На волховских рубежах» и слышишь гимн русской силе, отваге и мужеству.

Поэт и в тяжелые для Родины дни не перестает думать о светлом будущем, об отчем доме:

Где-то домик старенький
Теплым дымом курится,
Пробегают валенки
По скрипучей улице.

А в стихотворении «Моя песенка», написанном в Малой Вишере 3 декабря 1943 года, поэт мечтал о родном крае, где проплывают гуси-лебеди. И все мысли, думы, переживания ведут бойца вперед — к победе:

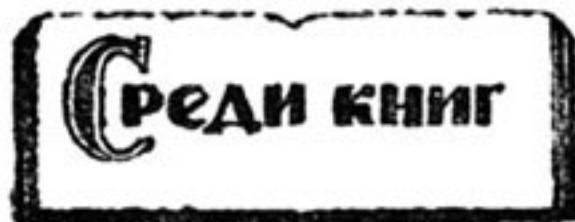
Все, что пройдено,
не пройдено, —
Тобой озарено,
Милая навеки Родина, —
Далекое окно.

Скупы фронтовые строки, но и сегодня они заставляют нас понять, как дорога советским людям мать-Родина. Строки, пронизанные тонким чувством любви к ней, живут в сердце каждого из нас.

Т. ОПАРИНА,
зав. детской библиотекой.
Малая Вишера

4 стр.

НОВГОРОДСКАЯ ПРАВДА

В ДНИ БОЕВЫЕ

Стремителен полет времени. Вот уже и сорокалетие с момента окончания второй мировой войны осталось в прошлом, стало достоянием истории. Но не иссякает кровный интерес советских людей к ставшим уже легендарными событиям. Продолжают свой благородный поиск красные следопыты. Выходят на экраны новые фильмы. Публикуются книги о великом патриотическом подвиге, совершенном нашим героическим народом в 1941—1945 гг.

В потоке произведений художественных и документальных жанров, вышедших в свет к 40-летию Победы, не должна затеряться и скромная книжка Бориса Павлова «Двадцать дней политрука» (Издательство ДОСААФ СССР, Москва, 1985) — сборник очерков о героях боев с фашистскими захватчиками. Ее автор, военный

журналист, редактор армейских и фронтовых газет, рассказывает о людях, которых знал и видел в жарком ратном деле. Он информирует читателей и о том, как сложились в послевоенные годы личные судьбы тех из них, которым посчастливилось остаться в живых.

Заглавный очерк книги «Двадцать дней политрука» переносит нас в жаркое лето 1941 года. Смоленское направление. Войска прибывшей из Забайкалья 16-й армии грудью заслоняют подступы к столице. Именно здесь герой повествования политработник В. М. Машункин проявил себя человеком исключительного воинского мужества.

Он вдохновлял бойцов на подвиги пламенным словом большевистской правды и личным примером, умело организовывал разведывательные поиски и засады, уверенно проводил рискованные рейды. И все это в условиях подавляющего превосходства противника в живой силе и технике, под постоянной угрозой его фланговых ударов.

Б. Павлов точен в убедительных деталях, когда описывает действия отдельных бойцов и небольших подразделений в различных условиях боевой обстановки. Удаются ему и характеристики психологи-

ческого состояния воинов в критические моменты боя, т. е. тогда, когда умение найти и применить свой единственно правильный маневр имеет решающее значение.

Такая точность — закономерный результат личного участия автора в событиях тех дней, знакомства с героями и подвигами не по архивным документам, а по горячим следам свершившегося. В подтверждение этой мысли приведем только один, насыщенный зрывыми подробностями эпизод из очерка «Двадцать дней политрука»:

«Опять ударила пушка, и поверху пронесся снаряд. Теперь разрыв ударил ближе, и земля в окопе тяжело загудела.

Опять прозвучал выстрел. На этот раз политрук всем телом почувствовал, как вместе с ним судорожно вздрогнула сама земля.

Несколько секунд черный дым от взрыва снаряда окутывал поляну. Приторно-горьковатый запах взрывчатки вызвал у Машункина тошноту.

Танк, скрежеща и покачиваясь, пополз по траве прямо на окоп политрука. Казалось, что для экипажа машины это была единственная живая цель, которую он долго искал, а теперь нашел и во что бы то ни

стало захотел ее уничтожить.

Стальная машина слегка сбавила скорость и вплотную приблизилась к окопу политрука. Машункин на мгновение выглянул, заметив черную дыру пушки, из которой еще шел дымок, и сразу же вжался в дно окопа.

Танк, притормаживая, раздраженно заурчал, норовя левой гусеницей накрыть окоп с человеком, всей тяжестью навалился на выбранную жертву.

На Машункина посыпалась земля, потек песок за ворот гимнастерки, прилипая к потному телу. В окопе стало темно. Зажатая между коленями политрука бутылка с зажигательной смесью уже уперлась в подбородок.

Танк начал утюжить окоп, все глубже вгрызаясь в землю. Трудно поверить, что от человека после этого хоть что-то останется.

Грозно рыча, машина с ходу рванулась прочь от раздавленного окопа, торопясь поскорее ворваться в глубь обороны... Машункин, стряхивая с себя толстый слой земли, с трудом приподнялся, встал на дно окопа, который теперь доходил ему едва до пояса, и со всех сил швырнул в танк бутылку с горючей смесью. Она разбилась над сеткой моторного отделения.

Жидкость, разливаясь по поверхности машины, от соприкосновения с воздухом воспламенилась».

Столь же добротной точностью, квалифицированной достоверностью отличаются описания боев за освобождение Новгорода («Через озеро Ильмень»), форсирования реки Свирь («Двенадцать геров»), уничтожения с воздуха моста через Волхов в районе Киришей («Обязательно возвращайтесь!»), других сражений и боевых эпизодов.

То, что увидел, вспомнил и описал Б. Павлов, существенно дополняет наши представления о советском человеке в период лихолетья. Среди тех, о ком поведал нам автор, преобладают рядовые бойцы и командиры невысоких рангов. Те, кого справедливо называли чернорабочими Победы.

Особое место в сборнике занимают мемуарные очерки о встречах автора (преимущественно на фронте) с видными советскими писателями: А. Фадеевым, Н. Тихоновым, А. Сурковым, В. Кожевниковым, А. Прокофьевым, совместной работе во фронтовой газете с А. Чаковским, П. Шубиным, М. Эделем. Сообщаемые Б. Павловым сведения представляют большой интерес.

Н. БЕРЕГОВ.